

Ясна Илами Николаевна,
соискатель степени кандидата философских наук
Института философии им. Г.С. Сковороды НАН Украины

СЕКСУАЛИЗАЦИЯ КРОВИ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Символика крови в тех или иных формах присутствует в искусстве от наскальной живописи, посвященной охоте и жертвоприношениям, и крови Христовой как важнейшего символа христианской мифологии до современного массового искусства, которое по обилию крови, пожалуй, превосходит все создаваемое ранее. При этом происходит изменение семантики крови, а именно ее эстетизация и сексуализация.

Наиболее ранний культурный нарратив крови связан с жизнью: кровь как символ витальности, жизни и смерти, что в большинстве культур связано с представлением о крови как вместилище души и, соответственно, «канале связи» с божественным и демоническим. Такая интерпретация была характерна уже для архаического мироощущения и не утрачивает актуальности по сей день, хотя приобретает специфические черты.

Наиболее буквальное выражение она находит в современной живописи и инсталляции, где набирает популярность использование обработанной различными способами крови вместо краски (Дж. Иглз, М. Таккарди, Я. Фабр, Н. Устьянцев) или в перформансах (например, у венских акционистов – Г. Ницша, Р. Шварцкоглера, О. Мюлля, Г. Бруса).

Тенденция касается также литературы и кинематографии, где одним из первых примеров эстетизации образа маньяка-убийцы становится Ганнибал Лектер (1981). Не менее эстетично представлена тематика каннибализма через кинообразы Суини Тодда (2007) или школьницы-убийцы из «Тела Дженнифер» (2009), а также кровавые сцены «Неонового демона» (2016). Характерен также образ Габриэллы («Запекшаяся кровь», 1996), танцующей в луже крови, спокойно рассуждая о том, что чувствует человек, которого убивают.

Нельзя обойти вниманием и потоки крови в неизменных сценах насилия и секса в хентай и гуру жанрах аниме и манга, а также компьютерных играх вроде «Blood» или «Postal», на протяжении многих лет не теряющих популярности, несмотря на запрет продаж во многих странах.

Похожая тенденция прослеживается в образах зомби в фильмах последних лет, как, например, «Тепло наших тел» (2013), где происходит их трансформация из отталкивающих второстепенных персонажей в привлекательных главных героев. Продолжается и эстетизация образа вампира, возникающего в викторианскую эпоху и изначально овеянного романтическим ореолом, где страх, смерть, кровь и сексуальность (в том числе, гомосексуальность) сплетены в единое целое.

Второй культурный нарратив крови связан с родом и властью и, согласно М. Фуко, характерен для доиндустриальных обществ, которые он описывал как «общества крови», где наивысшую ценность имеют родословные и «чистота

крови» [1, с. 522–523]. Далее ситуация меняется: если «главным для аристократии была кровь, то кровью буржуазии стал ее секс. ... Генеалогическая забота превратилась в озабоченность наследственностью» [1, с. 229–230].

Изначально «второсортным» в такой системе координат оказываются женское тело и сексуальность. Осмысление этой ситуации в контексте феминизма третьей волны порождает новую семантику крови – как метафоры женской субъективности, неразрывно связанной с сексуальностью, что находит выражение в так называемом «менструальном искусстве». Логика активистов движения проста: если мужчины-художники заменяют краску собственной кровью, то женщины, не отставая от них, используют для этой цели кровь менструальную, считая неправильным то, что кровь мужчин во все времена почиталась как символ смелости и героизма, тогда как женская считается постыдной. Целью объявляется избавление от стереотипов и табуирования связанных с женской физиологией, а результатом становится упрочение представлений о крови, как чем-то повседневном, не пугающем, не подразумевающим сокрытия или умалчивания.

На пересечении описанных тенденций сама тема сексуальности окрашивается в кровавые тона. Помимо тематических произведений, кровь или аллюзии на нее появляются в искусстве совсем других жанров – фэшн-фотографии, эротическом фото, рекламе. Кровь подается вместе с зовущей улыбкой, обнаженной грудью и кружевным бельем – как, например, в сексуальном видеоролике косметического бренда «Эллис Фаас» или популярном клипе группы «Maroon 5» на песню «Animals» (2014).

Если в буржуазном обществе, по Фуко, кровь утратила способность символизировать власть, то теперь она обрела способность символизировать секс. Не просто «секс» приходит на смену «крови», как отмечал Фуко, но происходит сексуализация всех культурных нарративов крови: как символа жизни и смерти (сексуализация смерти и насилия); как вместилища души и «канала связи» с божественным и демоническим (сексуализация вампиров, зомби и пр.); как символа власти (перенос акцентов на метафорику женской субъективности) и, наконец, как символа фертильности (который перерождается в символ сексуальности).

Список использованных источников:

1. Фуко М. История сексуальности. Воля к Истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. - Москва: Касталь, 1996. - 448 - Т. 1.